ЗАКОВАННЫЕ В ЖЕЛЕЗО
КРАСНЫЙ ЗАКАТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Действие книги разворачивается во время всемирного апокалипсиса. Интрига нависшей неизвестности и страха перед будущим усиливается из-за не знания о стороне, начавшей войну. Силы сопротивления живут в бункерах, пытаясь больше выживать, чем жить, они едва находят в себе силы, чтобы не сдаться. Некоторые герои, такие как Гавриил Нелевский и Михаил Соборов ведут неравный бой с преобладающими силами противника, один из них на поле боя, другой глубоко в тылу противника. Красочные битвы и шпионские страсти обещают читателю море впечатлений. Множество сюжетных линий их сочетание и пересечение множества персонажей создают бесконечно меняющийся и динамичный сюжет. Главные герои: Михаил Соборов – разведчик, отосланный в тыл противника для диверсионной деятельности. Попав в тыл противника, он пытается добраться до вершины власти, чтобы нанести большие разрушения противнику. Гавриил Нелевский – воин доблестно сражающийся на поле боя, он оказывается практически всегда непобедимым оружием в руках сопротивления. Описания его боев составляют боевую часть произведения. Книга состоит из трех частей в каждой по семь глав. Написана на 479 страницах бесконечной борьбы за выживание немногочисленного сопротивления с одной стороны и оплота коварных планов, подогреваемых меркантильными интересами лидеров города агрессора Фригидмур с другой. Наличие разноплановых, абсолютно различных между собой сюжетных линий, как то например история бойца украинского спецназа сражающегося на передовой, история шпиона и тайного агента, отбывающего службу глубоко в тылу противника или жизнь главнокомандующего и его верных друзей в тяжелых больше морально условиях осады делают возможным каждому читателю найти своего любимого героя, что означает интерес к книге. Книга испещрена разнообразными событиями, описанными в силу таланта автора, но однозначно обещает быть интересной большому кругу читателей, особенно ученикам старших классов и выше.

•

Часть 1. Глава 1. Михаил.

I

Украина; г. Киев
Окружная дорога
27 августа; 15:24

Огромный черный джип с синими номерами правоохранительных органов, принадлежавший, тем не менее, разведке, уносил Михаила от города на сумасшедшей скорости. Пассажиры держались за все что могли. Слегка полный мужчина на переднем сиденье ухватился за подлокотник и ручку у потолка. Однако, при всем видимом напряжении его мускульной силы не хватало чтоб удержать свою, довольно таки большую, массу неподвижной и он, то и дело, перекачивался из стороны в сторону, то прижимаясь к правой дверце, то практически ударяясь лицом в правое плечо водителя. Вел этот агрегат молодой парень лет двадцати. Не выдавая особого смущения или переживаний, он со стариковским хладнокровием проскакивал в невероятно узких пролетах между машинами, бесконечно обгоняя и притормаживая, или, безудержно набирая скорость, выжимал из машины максимум возможностей. Михаил сбился со счета тем случаям, когда он, вздрагивая, ожидал удара или орал на мальчишку за неоправданный риск. Но парень не видел и не слышал ничего вокруг, кроме того, что было на дороге. Михаил даже попытался однажды остановить его. Соборов схватил парня за плечо и начал орать, придвинувшись почти в упор к нему, чтоб тот остановился. Но вскоре остыл, увидев только бесконечно движущиеся глаза и нерушимую сосредоточенность в них, боец даже не моргнул. Казалось, что он не заметил бы и очереди из пулемета по лобовому стеклу, потому Михаил просто смирился и положился на волю случая.

Город остался позади. Спустя полчаса, Михаил и военные, которые вывозили его из Киева, оказались на просторном шоссе, и поездка обрела менее авантюрную окраску. Водитель все реже сбрасывал скорость и мчался в левой крайней полосе, еще издалека мигая фарами Мерседесам и БМВ. Многие съезжали вправо нехотя, но всегда делали это, когда огромная, трехтонная черная масса подлетала почти впритык к их дорогущим автомобилям, тут уже было не до принципиальности. Экипаж ехал со средней скоростью в сто двадцать километров в час. Они могли бы выбираться из Киева больше часа, но капитан Михаил Соборов жил почти на окраине. Таким образом, за двадцать минут экипаж отъехал от Киева почти на пятьдесят километров. Это было вне зоны поражения биохимической атаки. Мужчина на пассажирском сидении доложил главнокомандующему о том, что Михаила благополучно вывезли. Он также спросил о родственниках Михаила, что было положено делать в ходе

раздельной эвакуации членов одной семьи. Соборов заметил, что у толстяка есть военная рация, но тот предпочел говорить по мобильному телефону, что свидетельствовало о том, что суть разговора не предназначалась для слуха Соборова. Возможно, что это касалось Светланы, его молодой жены, которую было обещано вывезти из города. Очевидно, что связи с машиной эвакуации Светланы еще не было. Если ее не будет через десять минут, то Михаил никогда не сможет простить себе, что доверил ее жизнь незнакомым людям и безликой системе, которая всегда ни в чем не виновна. Но пока что надежда была жива, и отчаиваться было рано и глупо. Михаил отдался в руки судьбы и успокоился. Он закрыл глаза и откинулся на огромном заднем сидении. Перед его глазами воле поневоле пролетали образы поглощаемого зеленым отравленным дымом Киева. Почему-то представлялось, что вирус будет именно зеленым, хотя на самом деле, даже в максимальной концентрации, он был бесцветным, и лишь слегка сероватым. Несчастные, беспомощные и перепуганные люди умирали на том же месте, где их заставал вирус или химикат. Кто-то, наверное, пытался убегать, но падал замертво прямо на ходу. Так действовало химическое оружие Серень 400, которым, скорее всего, атаковали уже большую часть мира. Киев спасло то, что он был атакован спустя целых полчаса после атаки США. Точнее Киеву это не помогло, это спасло верхушку власти и военнослужащих, получивших время на эвакуацию. Известно было, что вслед за химической атакой, или может быть даже параллельно, шла биологическая атака вирусом Т9К57, под кодовым названием «Скарабей». Такое имя ему дали за то, что он пожирал даже уже убитую жертву и передавался всеми способами, включая прикосновение. Строк жизни вируса в открытом пространстве составлял более трех месяцев, а вдали от солнечных лучей он был практически бессмертен. Все это Михаил знал, ведь он сам добыл все эти данные, а те, которые добыл не он, добыли члены его команды и осведомители.

Ужасно и одновременно спокойно было думать об этом. Нельзя было не радоваться своему спасению, но нельзя было не оплакивать тех, кто остался там. Все наверняка умерли. Соседи, друзья детства, мальчишка, который продавал газеты и толстый продавец в хлебной будке, который гордился своим делом и всегда напоминал, что у него самый свежий хлеб в городе. А также знакомые водители маршрутных такси, которые возили Михаила из года в год в институт, а потом, когда он сдавал свой автомобиль на сервис или просто не хотел ехать, они возили его на работу. Он не знал их имен и даже не здоровался, но сейчас всех этих людей было жаль. Спустя пару минут, устав от тяжелых

размышлений, которые требовали, чтобы с ними смирились, Михаил уснул. Слишком рано было принимать конец света как должное, слишком трудно было это понять. Последние три ночи Соборов не спал, поэтому стоило ему хоть на миг утратить контроль над собой, и сон сразу же ухватился за свой редкостный шанс.

Он хотел было спросить у сопровождения, не узнали ли они что-то о Светлане и в тот момент сон оковал его, заметая за собою грань между реальностью и иллюзиями. Михаилу приснилась Светлана. Она как раз должна была отправляться домой, но, по своему обыкновению наверняка решила зайти в несколько мест и купить что-то для ужина. Светлана готовила всегда сама и не покупала готовые продукты, ведь в Украине, где не было, наверное, ни одной службы, которая бы проверяла качество того, что продавали в супермаркетах под видом продуктов питания, нельзя было доверять глазам. Светлана выбирала продукты на стихийных рынках, где оставалась хоть какая-то возможность найти натуральные продукты, которые и видом и содержанием соответствовали тому, чем этот продукт привыкли считать. Михаил видел, как она ходит между рядами деревенских бабушек, которые еще с утра привезли свои скудные урожаи в город. Она выбирала, тщательно осматривая и продукты и продавцов, боясь вновь нарваться на выращенные за неделю на жестоких пестицидах овощи или откормленные на каких-то химических добавках куриц. Через минут пятнадцать Светлана вышла на дорожку, которая вела к дому. Она тихо улыбалась, когда вокруг никого не было, очевидно представляя встречу с Мишей. У нее были прекрасные густые и светлые волосы, которые она мастерски использовала, когда хотела спрятать какие-то свои эмоции. Она опускала голову, будто от тяжелого груза, и пряталась в своих золотистых локонах, отдаваясь мечтам или воспоминаниям, мирская суета никогда не могла поработить света ее души. Они с Михаилом совсем недавно поженились, и теперь она не могла нарадоваться. Все вокруг считали, что они созданы друг для друга. Михаил был красивым мужчиной, со слегка смуглой кожей и спортивной фигурой, типичный мачо, как любили называть его незнакомые женщины, которые остались без его внимания. Светлана была стройной и худощавой женщиной. У нее было невероятно красивое лицо, которое было одновременно и по-детски милым и слегка, по-женски, вызывающим. Мужчины не могли отвести от нее взгляда. А Михаил не мог поверить, что она принадлежит только ему. Все было слишком хорошо, просто невероятно благополучно.

Когда Света подошла к дому, она услышала странные крики

со стороны двора. Повернув голову, она увидела, как люди падают далеко впереди, потом ближе, потом упала ее соседка по этажу, которая была у соседнего подъезда, а потом резкий боль в легких и все… Михаил тут же подбежал и охватил ее. Он пытался привести жену в чувства и одновременно старался понять, что происходит. Через миг он понял, что это химическая атака, но почему тогда он не падает? Почему его не берет? Может это потому, что он в состоянии аффекта? В следующий миг по его глазам пробежала резкая вспышка света. Он одновременно вспомнил черный джип военной разведки и то, как его вывозят из города, и понял, что он не может быть рядом со Светланой. Михаил открыл глаза и проснулся: «Это еще не конец, пролетело в его голове». Он просто спал. Но теперь он мог узнать, что произошло.

- Вы узнавали, что с моей женой? Ее вывезли? – Михаил схватил толстяка за плечо и резко пододвинулся к нему, пытаясь взглянуть в глаза.

- Связь с главным бункером оборвалась. После того как вы уснули я не получал никаких указаний и не мог больше связаться, капитан.

- Где это мы? – их джип был в каком-то лесу. Свет, который пробежал по глазам исходил от прожектора или фонаря. Очевидно, что это была какая-то база, а может просто пункт сбора или дозаправки.

- Здесь нас ждет группа сопровождения и сутра для вас.

- Сутра? Зачем? Мы собираемся вступать в бой?

- Территорию, которая вдали от крупных населенных городов тоже могут патрулировать группы зачистки или своры мепсов. Нужно обезопасить вас.

Металлическими псами, или мепсами, были генетически модифицированные собаки, оснащенные усиленными металлическими пластинами. Броня была легкой и пробивалась из крупнокалиберного пулемета. О мепсах наши военные узнали из сводок по нападению на США. Это были свирепые твари, которых выпускали на охоту зачищать целые города. Они были размером со свинью, а некоторые не уступали размеру даже льву. Мепсов использовали, как альтернативу рядовым солдатам. Это было вызвано масштабами атак, и нехваткой людей для этих атак. Мепсы были нацелены на уничтожение жителей городов, их транспорта и даже небронированных солдат регулярной армии. Личное стрелковое оружие было против них бессильно. Мепсов обычно пригоняли к большим городам целыми стаями, и выпускали зачищать город. Собаки атаковали всех, кто был на улицах и даже были обучены врываться в квартиры, дома и

офисы. Они были бесстрашны и свирепы.

Михаил откинулся на кресле и начал растирать лицо ладонями, стараясь побыстрей вернуть себе бодрость, и размять лицевые мышцы, которые после глубокого сна делали его речь слегка смешной. На улице уже почти не было света от солнца, лишь далеко на западе, между деревьями, еще было видно освещенную тающими лучами линию горизонта. Теперь стало понятно, что это даже не лес, а просто пролесок, вдоль которого они ехали без фар. Человек, который проверяли их с фонариком, проверял всех кто въезжал в пролесок и передавал по рации о приближении друга или врага. Он наверняка не подошел бы сам к джипу и остался бы где-то между деревьями, если бы машина не остановилась в указанном месте. Все эти шпионские штучки пролетали в голове Михаила чисто механично, когда он пытался оценить ситуацию и понять, частью какого плана он стал.

Вскоре все его предположения подтвердились, когда их джип остановился возле пяти или шести других. Может быть, дальше во тьме, их было еще больше, но надвигающаяся ночь прятала от глаз любые образы, водитель же, как оказалось, вел с помощью прибора ночного видения. Как только они заглушили мотор, к экипажу подошел воин в сутре. Сутра - это сверхновый скафандр из адамантитового сплава, невероятно дорогая и редкостная броня. Первые чертежи этого оружия попали в руки украинских ученых более семи лет назад от японской разведгруппы. Эти костюмы были ключом в будущее. Непробиваемые для пуль всех калибров, и неразрушимые для взрывных волн, они были не уязвимы. Михаил знал о них достаточно много. Воины, носившие сутры, дрались на мечах, которые владели уникальным энергетическим свойством, способным рассекать адамантит. Михаил прекрасно владел этим скафандром и мечом в частности. Именно из-за его успехов в редком в наше время искусстве владения мечом – Кен-до, его и взяли в, так называемую, разработку спецслужбы. В начале двадцать первого века найти мастера Кен-до, который имел черный пояс и был победителем некоторых всемирных турниров – это была невероятная роскошь для Украины. Михаил был важен, он первопроходец.

- Номер экипажа? – спросил воин слегка приглушенным голосом из-за множества фильтров скафандра. Он был почти не различим во тьме потому, что костюм практически не отбивал свет.

- Двадцать третий, киевский экипаж – ответил мальчишка водитель. Михаил запомнил его голос, слишком мальчишеский, он действовал успокаивающе в этой ситуации, казалось, если бы все было плохо, то тут был бы какой-то ветеран, прошедший все

горячие точки мира, но за руль посадили едва окончившего академию пацаненка.

- У вас один спецпассажир. Капитан Михаил Соборов, прошу пройти со мной.

Миша бросил последний взгляд на своих спутников и вышел из машины. Воин взглянул на Михаила, сверяя его внешность с фотографией.

- Здравия желаю, товарищ капитан, прошу за мной.

Михаил слышал едва различимые шумы в суставах скафандра и характерные приглушенные щелчки в электронных мышцах. Через секунду его взяли под руку и повели. Михаил не мог отчетливо видеть во тьме и потому воин в скафандре, где были очки ночного видения, повел его по пролеску. Михаил с трудом различал в кромешной тьме отблески на джипах, которых оказалось намного больше. Если бы эту точку рассекретили, то от всех этих людей, военных, ученых или даже политиков, не осталось бы и мокрого места. Хватило бы одной связки гранат или одного отряда в сутре. Спустя еще пару шагов Михаила остановили. Он услышал, как открывается какая-то дверь, но визуально не мог различить буквально ничего. Вскоре его подвели к ступенькам, и он как слепой щенок неуклюже вскарабкался в какое-то помещение, которое оказалось не более метра - полтора по площади. Изнутри открыли еще одну дверь, что дало понять, что помещение это было создано для того, чтоб свет изнутри фургона не попадал наружу. Михаил оказался в огромном трейлере. Дальше справа стояло две сутры, которые очевидно ожидали своих владельцев.

- Ваше имя, сер? – к Михаилу подошел парнишка с листом бумаги на планшетке.

- Капитан Михаил Соборов.

- Прошу сюда, сер, вы в списке на офицерскую сутру первого класса. Это та, которая стоит справа, вам помогут ее одеть. Прошу поторопитесь.

Спустя пять минут Михаил уже был одет в прекрасную новенькую сутру, которая была еще и на него приписана, что означало, что этот скафандр отныне принадлежит только ему. Обычно сутру одевают не более чем за минуту. Пусть это и сложно, но умение быстро одевать и снимать скафандр - одно из основных, которому учатся будущие офицеры стального спецназа. Но, тем не менее, Мише пришлось настраивать его под себя хотя бы на глаз потому, что изначально они идут почти не подвижные, рассчитанные на человека со слабо развитой гибкостью суставов. Михаилу же требовались намного более свободные параметры. Пока он готовил свой скафандр, прибыл последний важный

владелец сутры. Им оказался молодой парень со странной для военного прической, похожей на прическу Джона Конора из второго «Терминатора». В самом начале Михаил подумал, что это какой-то тяжелый ребенок важной шишки, которого оберегают как президента. Потому, как парень был слишком уж сильно не похож на военнослужащего. У него на шее были татуировки, сам он был худощавым, а в носе была серьга. Однако спустя пару минут Михаил отметил, что парень почти самостоятельно справляется с сутрой, что есть довольно таки не простой задачей. Очевидно, что он уже имел дело с костюмом, поэтому выводы об этом юноше стоило попридержать к лучшим временам.

Как только Михаил оделся он вышел на улицу. Ему было легко и свободно в скафандре, он ловко воспроизводил и усиливал в десятки раз его действия. Но эта легкость была ощутима только владельцу и мигом улетучивалась, когда приходилось идти по земле или поднимается на ступеньки автотранспорта. К примеру, когда в трехсоткилограммовой сутре спускаешься по ступенькам трейлера, он пошатывается так, что кажется вы на карусели, а ступая на мокрую от дождя землю можно было погрузнуть на несколько сантиметров. Правда существовали уже новые сплавы адамантия и титана, которые, в отличии от сплава адамантия и чугуна, были около ста пятидесяти килограмм веса, что вдвое легче от этих сутр, которые были доступны на данный момент. Но титановые костюмы были намного дороже, а отличались только весом, поэтому их делали исключительно для спецгрупп разведки.

Сам по себе скафандр сутра походил внешне на робота полицейского, всем известного героя голливудской трилогии, однако отличались намного более высокой динамичностью в движении, не уступавшей в гибкости и скорости гимнасту. Также и сплав был намного прочнее, чем можно было себе даже представить. Особый метал, который был искусственно создан в военных секретных лабораториях, был чрезвычайно прочен и устойчив. Благодаря особому строению молекул, ему удалось придать невероятную плотность, в частности благодаря структурированности формы, позаимствованную у молекул алмаза. Алмазная пыль также была частью сплава.

- Капитан Михаил Соборов, меня зовут полковник Зорога, я командир отряда стального спецназа «Паладины». Мне поручено руководить спасательной операцией и вам придется мне подчиняться, пока вы не будете доставлены в Западное убежище – к Михаилу подошел мужчина в сутре, и принялся вводить его в курс дела.

- Нет проблем, но почему Западное? А как же Харьковский

бункер?

- Харьковский Бункер не был тестирован после окончания робот, поэтому статус первого бункера передан Карпатии. Это временная мера, пока главный бункер не будет обжит и проверен спецами. Нам нужно спешить. Отправляйтесь в БМП. Мы едем первыми на расстоянии два километра от остальных машин, чтоб в случае чего принять удар на себя.

- Хорошо. Я понял.

Михаил давно увидел два БМП и пять хамеров, которые стояли дальше в пролеске. Теперь, когда у него в распоряжении были сенсоры сутры, он мог по достоинству оценить размеры колоны. Он увидел и обычных бойцов, которые расположились по периметру, а с помощью тепловизора ему открылись и точки снайперов – разведчиков, которые были в радиусе ста метров вокруг колоны. Они не двигались, но тепло от них исходило. Что ж, все было организовано неплохо, и если бы этим ребятам не нужно было драться с другими воинами в сутрах, то тут можно было бы устроить вторую битву у Брестской крепости. Но если бы на колону напал отряд в сутрах, то все эти рубежи он бы прошел на одном дыхании.

Спустя полчаса обе машины БМП уже ехали на запад. Дорога была свободная от автомобилей, не было ни одного участника движения, а деревни были погружены во тьму. Тепловизоры выхватывали красные точки и силуэты движущихся людей. Сейчас, спустя всего несколько часов после начала атаки, нельзя было помочь этим людям, им необходимо продержатся несколько дней, пока не начнут отправлять спасательные отряды, которые должны были бы приводить людей в бункеры, но все понимали, что это лотерея и многие не выживут. Пока что шла эвакуация тех, кто был в списках важнейших профессий, кто представлял собой хоть какую-то ценность, а просто прийти и рассказать людям про место расположения секретного бункера нельзя.

В БМП было тесновато. Восемь бойцов в сутрах сидели плечо к плечу друг к другу. Между рядами, практически на ногах лежал двух метровый крупнокалиберный пулемет Владимирова, в народе КПВ, единственное переносное автоматическое оружие, которое еще могло приносить пользу. Он стрелял 14.5 миллиметровыми патронами и предназначался в первую очередь против больших сил мепсов, которые были зашиты в легкую адамантитовую броню. Сутре пулемет не наносил вреда, однако кинетическая энергия пули из КПВ могла замедлить такого бойца. Под шквальным огнем из пулемета практически невозможно было продвигаться в сторону, из которой вели огонь. Также было доказано, что свыше десяти выстрелов из КПВ, выпущенных

очередью в одну и ту же точку сенсорных очков, размером в один квадратный миллиметр, могли разогреть состав глазного стекла, и то давало трещину. Однако, в боевых условиях такую точность нельзя было выдать и даже в эксперименте пришлось ставить пулемет на специальные фиксированные опоры, чтоб выстрелы приходились в одну и ту же точку. Но, все же, офицеры прикрывали голову либо предплечьем , либо щитом, чтоб не получать такие неприятные удары, которые оказывали довольно таки ощутимые повреждения человеку, находящемуся в скафандре. Были даже случаи, когда воин в сутре, который пребывал в состоянии усталости и физического истощения или травмы, получал своеобразный нокаут от прицельного огня в голову короткими очередями. Поэтому пулеметчики никогда не отказывались пострелять по противнику в сутре. Вторым стрелковым оружием в отряде была крупнокалиберная винтовка NWS – 20, которая также лежала сейчас у ног в БМП. Она была предназначена для вывода из строя транспорта противника и кратковременного вывода из строя офицерского состава. Опять же, ударная сила пули банально вызывала потерю сознания или легкую дезориентацию, в основном оружие использовали именно против транспорта. В комплекте с винтовкой шло два ствола, один 14.5 миллиметров, а другой 20 миллиметров и носили ее в основном на креплениях за спиной, когда отряд был в рейде и в разобранном виде в остальных случаях. КПВ носили на специальной установке, которая в одном положении удерживала пулемет прижатым к спине, а в другом - поддерживала его под рукой бойца. Это достигалось с помощью перекатывания пулемета на подшипниковом колесе, установленном на правом плече. В общей сложности отряд стального спецназа состоял из пулеметчика, снайпера, трех воинов с повышенными навыками владения двуручными мечами и бойцом массового поражения. Снайпер и пулеметчик из холодного оружия владели небольшим щитом и заостренным дробящим оружием, которым было легко отбросить противника или нанести рваную рану. Такое оружие, как и все другое, было специально оснащено энергетическим веществом Ун, которое могло нанести вред адамантитовой стали. Щиты, которые носились за спиной, были и у остальных. У так называемых Тотусов, бойцов, натренированных на двуручные мечи, прозванных так потому, что их целями была сильно бронированная техника и офицерский состав противника, были всевозможные мечи от мала до велика и даже кинжалы. На латыни слово totus означает весь, вся или все, то есть подразумевается воин, который может все. Виджилант, боец, направленный на толпы мепсов, имеет в арсенале два одноручных

меча и самый большой в отряде щит. Он мог драться и в защите, используя еще и огромный одноручный молот в паре со щитом, если ему нужно было отбрасывать волны мепсов, с которыми он физически не успевал расправляться мечами. Слово vigilans пришло с латинского языка и означает «заботливый» или, другими словами, воин, который должен прикрывать товарищей, или заботится о них. Все эти названия были придуманы в ходе глобальных изменений военной тактики, вызванных появлением сутры и мечей с частицами Ун. Старые название не подходили.

Колона приближалась к Хмельницкому. В черте города наверняка был и вирус, и Сирень 400, также ожидалось встретить группу мепсов, которые были замечены во всех крупных городах.

- Капитан, в воздухе обнаружен «скарабей» - один их воинов, который следил за показателями на мониторе, доложился командиру колоны полковнику Зороге.

- А сирень?

- Сирени не обнаружено.

- Что на тепловизорах?

- На расстоянии трехсот метров видны большие группы объектов. Количество объектов свыше тридцати.

- Тридцать это мало. Разберемся в рукопашную, без шума. Пойдет Сверковский, Дреня и я. Остальные прикрывайте БМП. Мы бы не отказались от капитана первого ранга в офицерской сутре, если вы знаете что-то о бое – можете пойти с нами. Мне за вас ручались, и я многое слышал о вас. Если у вас есть причины не идти, то можете просто отказаться, я не хочу приказывать вам.

Михаил был не готов к этому. Он ожидал, что на них могут напасть, но помогать целому отряду стального спецназа в бою против кучки мепсов – это было подозрительно и слегка непонятно. Единственная причина подобной просьбы могла заключаться в том, что Зорога был не уверен в своих бойцах. Наверняка так и было, ведь многие не умели досконально обращаться со скафандрами и холодным оружием, и проходили переквалификацию в слишком короткие строки.

- С удовольствием – слегка преувеличил Михаил, - но с тем условием, что пойду я и один виджилант, больше никто не нужен. Связываться мы могли бы с помощью передатчика в скафандре. Я и виджилант останемся тут, и дождемся колону. Вам же, было бы более разумным ходом, отправится дальше на разведку. Тем более, что два наши БМП могут быть замечены с воздуха, и если мы задержим колону, то можем дождаться организованной атаки.

- Что ж, пусть будет по-вашему. В таком решении есть смысл. Если вам будет угодно, то оставлю с вами Максима Годэ. Он не военнослужащий, но в свои-то двадцать три уже инструктировал

наших бойцов. Может у него проблемы с дисциплиной, но как боец он намного сильней моего виджиланта.

- Француз что ли? Ладно, мне все равно. Пусть будет по-вашему.

- Отлично, тогда удачи. Годэ на выход, переходишь под командование капитана Соборова. – Зорога передал приказ и двинулся к БМП. Когда Годэ выпрыгнул из второго БМП, Зорога осмотрел его взглядом, наверняка осматривая скафандр, кивнул и залез в БМП.

- Капитан? – мальчишка подошел к Михаилу.

- Имеешь хоть какое-то представление о том, как нужно себя вести в подобных военных операциях?

- Извините, но я не военнослужащий, но не беспокойтесь, свое дело я знаю. А звание мне обещали выделить в убежище, кажется, буду сержантом.

- Сержант так сержант. Идем на Юг. Там около тридцати мепсов. – Михаил позвал рукой и продолжил остальные рекомендации уже на ходу, его радовало то, что Зорога слышит их и этот малец, будь он чересчур капризный, постесняется противиться. Михаил не любил делать военные дела со штатскими, а особенно со штатскими двадцати лет отроду. Но он понимал, как редко встречаются нормальные бойцы на мечах и не перебирал.

- Следи за тылом. Если я смотрю вперед, ты следи за дорогой, чтоб нам не ударили в спину. Так же следи, чтоб не было никого на дороге. Там сейчас должна проехать колонна. Это понятно?

- Все понял, капитан.

- В бою особо не рискуй. Если не справляешься - сразу переходи в защиту и отбрасывай.

- Так точно – нарочито усталым голосом пробубнил французик, как его в уме прозвал Михаил.

Соборов также отметил про себя, что уже сожалеет, что поддался на предложение Зороги, этот эксперимент может закончиться плачевно. Да и кто такой этот Зорога? Почему Михаил решил, что ему можно доверить свою спину, если он прежде никогда не слышал этой фамилии? Как всегда излишняя доверчивость Михаила привела его в тупик. Разведчик в звании капитана, с опытом боевых операций и разведывательных действий в глубоком тылу врага, по своему обыкновению, как мальчишка доверял своим соотечественникам. Еще с детдома, когда ему казалось, что он один во всем мире и этот мир готов растерзать его на каждом шагу, он мечтал, что когда-то найдет себе друзей и наконец-то его прикроют. Когда Миша оказался в армии, то ему показалось, что он нашел свою семью, а встреча со

Светланой окончательно успокоила его и он научился делить на своих и чужих, но теперь он жалел об этом. Мир рушился на глазах, все вокруг падает и разбивается, одно горит, другое взрывается, третье умирает от невидимых для глаза причин. Где тут свои, а где чужие? Михаил смотрел на руины домов, которые подверглись массированному авиаудару, и начинал понимать, что случилось. Нет, он не собирался впадать в панику или кричать в безмолвное небо, он как-то привык уже к мысли, что что-то идет не так, и научился ее просто использовать. Это был просто настораживающий фактор, светодиод где-то в мозгу, который загорался тогда, когда надо было оптимизировать все свои усилия, когда нужно быть здесь, сейчас и полностью, и негде больше. Иначе тебе крышка.

Они шли уже минут пять. Позади остались импровизированные баррикады из жилых многоэтажных домов. Это было тактическим ходом при химической атаке. Если противник хотел, чтоб жители города не могли уйти из зоны поражения до конца химической или биологической атаки, то нужно было отрезать основные пути отступления. На автомагистралях или развязках устраивали автомобильные пробки или вот такие баррикады из бетона.

- Они захлопнули двери в газовую камеру, парень, людей просто истребляли – Михаил заметил, что Годэ осматривает поле боя, стараясь понять, почему была произведена авиаатака. Соборову было плевать на его любопытство, но парня это отвлекало, а учить его уму разуму было не вовремя.

- Слышите лай?

- Да. Они за вот тем домом. Ты будешь атаковать первым. Одевай щит, и без геройства. Как только они бросятся на тебя, я ударю с фланга. Только не отбрасывай их на меня и не упади, иначе уже будешь бесполезен, они не дадут тебе встать.

- Откуда вы это знаете? Я таких тварей впервые вижу – очевидно Годэ нервничал. Тепловизоры показывали ему уже довольно таки отчетливые фигуры размером со льва.

- Ты их еще не видишь… Просто знай, что они ничего тебе не сделают, даже если будут год тебя грызть. Мы встречались уже с ними несколько раз в Африке. Тогда мы решили, что кто-то тестирует новое оружие, но не знали кто. Так что будь уверен, что я знаю на что они способны.

Они стояли за углом. Михаил выглянул первым, чтоб оценить свору. Свирепые твари без конца дрались между собой, лаяли и рычали. Это были настоящие дикие звери. В белой броне был вожак, который был чуть крупней размерами, он вяло ходил со стороны в сторону и не обращал внимания на своих собратьев и

их суетливые занятия, без конца всматриваясь во тьму и нюхая воздух, он, казалось, сейчас учует охотников. На мониторе Михаил видел показатели здоровья членов группы. У французика сердце плясало стэп.

- Посмотри на них, только не высовывайся сильно. – Михаил уже начинал сомневаться в парне. Он пытался успокоить его, дать привыкнуть к тому, что его ждет, опасаясь, что тот просто броситься убегать, если не будет готов.

Годэ выглянул и сразу спрятался обратно, прижавшись спиной к стене и закинув голову так, как делают, когда сильней беспокоится уже не возможно и нужно срочно что-то предпринять в направлении более умеренных эмоций. Степ французика переходил на более высокий уровень, и явно мог претендовать на призовые места в соревнованиях областного масштаба.

- Ладно, забудь, сам управлюсь – Михаил уже хотел идти, мысленно матеря себя за не собранность, которую он проявил там у БТРов.

- Нет, нет, я в порядке! – Годэ даже выставил руку, как бы останавливая Михаила – я пошел?

- Мне уже плевать, как хочешь. Только смотри меня не ударь, иначе я тебе башку снесу. Мой тебе совет – бойся меня, а не их, ладно? Это, во-первых, разумно, а во-вторых, очень полезно для твоего здоровья. Понял?

- Так точно.

- Просто вбеги в толпу и подержи их пять секунд. Я сразу за тобой. Главное не робей!

- Я все понял – стэп немного утих, но продолжался. Француз время от времени шумно выдыхал.

Годэ снял щит и мощный молот. Постоял еще секунду и побежал. Когда толпа из тридцати туш, весом в сто кило каждая плюс броня, увидела его, все сразу рванули как один. Когда на парня набросились, он закричал, как кричат прыгуны на резинках, и в итоге упал под весом, которого не ожидал встретить.

- Попробуй встать – уже спокойно проговорил Михаил. Он уже пару секунд рубился двумя мечами. Клинки входили в тонкую адамантитовую броню как раскаленный нож в масло, и, по меньшей мере, пять или шесть тварей уже лежало убитыми. Михаил вкладывал в удар огромные усилия. Бил то с разворота, то в прыжке, то раскручивался и веером клинков снова и снова влетал в толпу. На правой руке у него уже висел пассажир и вовсю пытался разодрать адамантит, теряя по зубу в секунду. Позже, такой же клиент вцепился в ногу, но это было даже не ощутимо. Михаил оценил курьезность того, как

стокилограммовые твари смешно развиваются как знамена при движении. Он не чувствовал их веса. Почему Годэ все еще лежит?

- Годе, как ты?

- Я? Что делать мне? – парень сильно нервничал. Он оцепенел при виде той ярости, которая была на него обрушена. Они пытались прогрызть его всюду. Один даже схватил в пасть голову сутры целиком. Когда он налетел на него, парень инстинктивно закрыл глаза, когда же открыл – было темно даже в режиме ночного видения. Когда перешел в инфракрасное, то все стало красным – у меня что-то с очками, все красное, Капитан.

- Просто тварь в лицо вцепилась, сбрасывай и поднимайся. – Михаил уже перебил половину своры и говорил с легкой отдышкой. Начинались проблемы с движением, и про прыжки пришлось забыть. Михаил не хотел отбрасывать псов, чтоб они не вздумали убегать, тем более, что рассчитать силу толчка не всегда удается и обычно отбрасывающие движения приводили к тому, что противник улетал на метров пять или шесть. Выйдя из боя мепсы могли сбежать потому, что ими двигал еще и инстинкт выживания как у волков. Нужно было методично их истребить, и не позволить кому-то из псов напасть на колонну незащищенных людей. Один мепс мог легко разодрать даже метал джипа, не говоря уже про пассажиров. А убить такого из стандартных автоматов тоже не вариант. Пришлось бы стрелять из пулеметов, а это - тоже самое, что накрыть поляну и начать жарить шашлыки в клетке со львами. Весь город, если бы в нем еще были группы, прибежал бы на пикник. Но Годэ решил по-своему. Ему показалось, что проще будет встать, если сбросить с себя пару тварей. Он отмахнулся тридцатикилограммовым молотом и два мепса улетело к стене того дома, где секунду назад он пытался утихомириться. Когда Годэ поднялся на ноги - стало еще жестче. Парень оказался не плохим бойцом. Взяв довольно-таки не плохой темп, он сметал по пару мепсов за удар. Ударяя то страшными сокрушительными ударами сверху вниз, то махал молотом, нанося боковые удары, а иногда дольно таки профессионально делал удар с разворота. Умение обращаться со щитом тоже присутствовало, твари то и дело натыкались на блок и скользили в низ. Единственным недостатком была паника, с которой он все это делал. Парень забыл все установки и разбрасывал собак то туда, то сюда, и не все они погибали от ударов. Несколько из них хромая убежали на север, как раз к дороге.

- Успокойся, хватит – Михаил подбежал и схватил Годэ за руку. Но тот никак не мог успокоиться, и наносил удар за ударом по почти размытому по асфальту мепсу.

- Да успокойся ты, если хочешь то вернешься потом и продолжишь, он все равно уже никуда не убежит.

Но парень все никак не мог оправиться и остановиться, молчаливо молотя останки пса, он уже пробил асфальт. Тогда Михаил снял щит и ударил им Годэ, отбрасывая юношу. Только потом тот утихомирился и стал потихоньку приходил в себя.

- Простите, простите, капитан, простите – бормотал малец, отходя от шока и пытаясь выровнять свое дыхание. Михаил догадывался, что так будет, поэтому теперь он быстро смирился.

- Пойдем, несколько из них побежали в сторону дороги. Нужно быстро настигнуть беглецов. Я побегу вперед, но смотри мне, чтоб не отставал.

Михаил побежал к дороге, на север, где их либо уже ждали машины, либо же эти машины должны прибыть с минуты на минуту. Он пару раз звал Максима Годэ и тот отвечал в ответ что-то невнятное, но по отдышке было понятно, что парень бежит следом. Соборов всматривался в основном на редкие кровавые следы. Дикая регенерация закрывала рану и крови из беглецов капало все меньше. Пока что следы вели точно на автоколонну, которую уже было видно, хотя тепловизоры не показывали зверей. Бежать было легко. С асфальта сутра прыгала под два метра, а если постараться, то можно было подпрыгнуть и выше, так что обвалы и груды бетона были скучными преградами. Михаил помнил, как на тренировках они лазили в горах, по отвесной скале. Тогда нужно было вбивать конечности в камень, чтоб зацепится, и это было куда сложней, чем бегать сейчас. Однажды Михаил не заметил разницу в уровнях, потому, что был в очках ночного видения, и случайно зацепил правой ногой небольшой кусок армированного бетона, который частично был зарыт в земле. Движение было мягким, потому булыжник не раскололся, а полетел далеко перед Соборовым. Сутра придает непередаваемое ощущение бесконечной мощи, но вместе с этим ощущением в комплекте идет также безграничное легкомыслие.

Сутра не делает бойца бессмертным, она лишь дает ему больше шансов выжить, это просто способ, оружие. Те, кто впадает во власть силы этого скафандра, снимаются с должности и идут мыть полы в казармах или умирают. Человек должен оставаться человеком всегда. Михаил хорошо знал это. Тренировки в горах вспомнились ему не зря. Один его товарищ тогда сорвался вниз с огромной высоты. Метров сто не меньше. Даже в полете он твердил в микрофон, что главное выпрямится и упасть на ноги и все будет хорошо, но это было не так. Он действительно умудрился выпрямиться, чем, тем не менее, только повысил скорость своего падения, и упал на ноги. При этом

сделал это правильно, на согнутые ноги, позволив мышцам поглотить скорость. Сутра выдержала, магнитные мышцы не оборвались, просто тот парень, по обыкновению, напряг их так сильно, как только смог, инстинктивно полагаясь на эластичность, которая есть у природных мышц тела. Однако сила мышц костюма была куда на много выше, и этой самой эластичностью мышцы не обладали. Если они не могли выполнить приказ, они все равно пытались это сделать, пока не обрывались. В том конкретном случае костюм подчинился и банально остановил падение, а не амортизировал его, тем самым не поглотив огромную инерцию, которая ударила по внутренним органам парня. В результате перелом позвоночника и летальный исход. Мораль такова, что возможности костюма заканчивались там же, где заканчивается мастерство владения им. Легкомыслие – враг воина, который носит это чудо техники… Единственный враг.

- Бизон, это Змея, вижу двоих металлических псов, направляются к колонне! Бизон, это Змея, как понял? Вижу металлических псов направляющихся к колонне! – в наушнике Соборова прошипел сигнал от колонны. Докладывали спокойным, но торопливым голосом, как всегда подумал Михаил. Он соскучился от этих голосов в наушнике.

- Змея, я Бизон, вас понял. Не открывайте огонь, повторяю, не открывать огонь! Я уже близко.

- Вас понял, Бизон, ожидаем ваших действий.

Михаил перепрыгнул последний фрагмент стены и увидел колону. Около двадцати джипов и пять хаммеров ожидали на дороге. Машины были без света фар. Два мепса медленно шли к ним. Один сильно хромал на заднюю лапу, даже издалека было видно, что она повернута не естественно. Увидев эти следы от дробящего оружия, Михаил припомнил о Годэ. Обернувшись, он заметил, что парень за его спиной в двух метрах. По осанке парня он заметил, что тот слегка не в себе.

Мепсы были натренированы атаковать мелкие автомобили и держатся подальше от больших. «Даже раненый мепс полезет грызть шины вашему седану, будьте уверены» - так говорил инструктор. Но сейчас псы были ранены и озадачены размерами. Они не могли определить большие перед ними автомобили или маленькие и держались на расстоянии в несколько десятков метров. Удивительная сцена. Длинная колонна из машин, два матерых спецназовца и между ними эти несчастные жертвы, которых тренировали на смертоносных охотников. Действие проходило на пустыре под светом, почти что полной луны. Времени не было, Михаил решился поручить дело парню. Ему

нужно знать, что один прокол не делает его бесперспективным, он должен понимать, что он в кругу друзей, которые всегда прикроют и поддержат. Те кто не получает второй шанс или получают его слишком поздно, часто ломаются.

- Справишься, француз? – Михаил даже повернулся к Годэ, чтоб тот понял, что это не шутка.

- С удовольствием, товарищ капитан!

На этот раз боец высвободил более привычное для себя оружие, два меча. В правой руке был меч более похож на огромное мачете, а в левой, как обычно, массовики носили колющий меч на две режущие стороны. Он смотрелся наиболее впечатляюще. Лезвие было как вытянутый треугольник, с медленно сходящимися двусторонними лезвиями. Годэ полностью сосредоточился на двух мепсах. Он какое-то время думал, как завязать бой и заставить их атаковать, чтоб они не начали убегать. Михаил тоже заметил это, но не стал советовать. Годэ вспомнил, что волки всегда атакуют суетливого и раненого зверя. Парень начал пылить ногами и бить ними по земле поднимая клубы пыли. Сработало! Один пес зарычал и начал идти на парня, тот, что был ранен, пошел по кругу, пытаясь зайти за спину, типичная тактика стаи. Максим уже не боялся спугнуть зверя и рванул на рычащую тварь. Тот тоже сделал пару шагов и прыгнул прямо к горлу Годэ. Парень не растерялся, и среагировал, уйдя в сторону и резко ударив рубящим ударом правой рукой. Пес завизжал и упал на землю с перерубленным позвоночником. В этот момент уже второй мепс, неимоверно напрягшись, рванул к Годэ и устремился к ноге. Макс подобрал ногу и псина, промахнувшись, оказалась под ней. Парень ударил в тот же миг со всей силой прямиком в голову. Огромной силы удара не хватило. Адамантитовый шлем пса выдержал, но, все же, погрузившись слегка в землю, немного поддался и нажал на голову. Пес заскулил и отчаянно пытался вырваться. Годэ поймал себя на мысли, что ему даже жаль этого монстра, и он быстро добил его заостренным клинком, та же участь ждала и другого пса.

- Хорошо, поехали. – Соборов трусцой направился к колоне.

Остаток пути Михаил и Годэ провели в замыкающем хаммере, который освободили специально для них, оставив только водителя. Шестьсот килограмм плюс водитель и амуниция были достойны такой чести. Мальчишка вырубился почти сразу и, чтоб не слышать его храп, пришлось выключить групповой канал связи. Михаилу показалось, что он остался один в целом мире. Он специально выключил все визуальные фильтры и начал просто всматриваться в темноту. Рев двигателя был почти не слышен из-

за отключенных внешних звуковых сенсоров, водитель, который был в очках ночного видения, больше был похож на робота. Колона ехала быстро. Иногда объезжая обвалы или столкнувшиеся автомобили, машины виляли на скорости в сто километров в час. В этой кромешной тьме Михаил всем своим сердцем почувствовал пустоту, которая его окружала. Единственный человек, который мог его одернуть как ребенка от этой пропасти была Светлана. Соборов уже всматривался в эту пропасть бездушной суеты, глупой войны, чужой войны, в которую он как мальчишка влез побуждаемый жаждой славы. Лучше он выбрал бы профессию врача, он стал бы отличным врачом, строгий и собранный, он бы всегда был на чеку, это у него с детдома. Тогда он бы нес жизнь, а сейчас он несет смерть. В его деле есть смысл, но это путь ребенка со свечкой по темному лесу. Потерял свечу – и ты еще одно обреченное приведение. Размышлять больше не было сил, и вскоре Соборов уснул.

*

Часть 1. Глава 2. Несокрушимый

Doom spiro, spero – «Пока дышу – надеюсь»

I

Украина; г. Дубно

Воинская часть 4589

27 августа 10:00

По длинному армейскому складу, почти бесшумно, шел человек с большим ящиком. Он был в синей форме, такой как у летчиков, которая одевается спереди и нужно вставлять ноги сразу в штанины, а потом просто застегиваешь молнию и ты уже полностью одет. Это означало, что этот человек работник этого склада. Он был атлетического телосложения, с короткой стрижкой популярной среди служащих в регулярной армии, когда сверху голову покрывает слой коротких волос, а по бокам и сзади она подстрижена самой мелкой насадкой машинки, и кажется, что волосы только на макушке. Этого парня зовут Гавриил, Гавриил Нелевский, но он никогда не слышал своего имени, потому, что с детства он не может ни слышать, ни говорить. Если бы не его отец, уважаемый полковник сухопутных войск, то его мечта служить в армии никогда бы не сбылась. Гавриил всегда хотел служить в армии, его привлекал порядок, смысл жизни воина, который готовится каждый день к защите своей земли от разного рода угроз и своего рода братские отношения среди служащих. Он терпеть не мог конкуренцию между людьми потому, что был убежден, что Бог каждого наделил качеством, в котором ему нет равных, и каждый должен быть на своем месте. В армии же каждому находили применение, пытаясь использовать

таланты людей в полной мере. Пусть его жизнь висела на репутации отца и нескольких его должников, он все же был частью этой системы, ему нравилось работать тут.

В обязанности Гавриила входила чистка оружия, приведение его в должный вид и даже ремонт. Ему пришлось изрядно преуспеть в этом деле, чтоб получить право заниматься чем-то отличным от мытья полов или слежки за сроком годности продуктов питания на складе. И он работал несмотря ни на что. Гавриил видел, как подсмеиваются над ним невежи солдатики, которым подавай веселье, он даже читал по губам некоторые фразы, но это не влияло на него. Он прожил такую жизнь, в которой без смирения ты просто сгоришь изнутри. Тебя уничтожат твои же желания, которые ты никогда не сможешь реализовать, они приведут тебя к злости, ненависти, которые заберут у тебя твою жизнь. Поэтому он работал с удвоенной силой и, в конце - концов, чтение огромного количества литературы по оружейному делу, бесконечная практика и небольшой талант к механике сделали свое дело.

Как бы там ни было, а Гавриил хотел не этого, он, конечно, старался изо всех сил быть полезным, но в душе он мечтал оказаться на поле боя. Когда с базы уходили на задание ребята, Гавриил всегда следил за ними издали, он представлял, что с ними уходит и он. Представлял, что не знает, вернется или нет, что задание невероятно сложное, но его нужно сделать. Например, в какой-то горячей точке, идет международная антитеррористическая акция и сегодня вечером нужно провести операцию, результат которой завтра скажется на будущем тысяч людей. Он обязательно смог бы, обязательно справился бы и отдал свою жизнь, если бы пришлось, ведь не сделай он этого, погибли бы его родные отец и мать, возможно, его будущая жена.. Он был простой парень, с простыми мечтами о воинской славе, о важном деле, об участии в чем-то важном. Нет, он не принадлежал к числу тех, кто верил в нерушимую славу своей страны, или ее вождей, которым никогда не интересовался. Нет! Он сознательно мечтал бороться с любым проявлением зла и несправедливости, он жил этим, он дышал этим, он готовился к этому каждый день. Что-то неведомое, какой-то древний воинский инстинкт вел и подстегивал его каждый день.

Но он не позволял этому желанию захватить все уголки его души. Он слишком хорошо знал, до чего приводит подобная жажда. Когда-то, казалось бы очень давно, еще в юности, он впервые влюбился в одну девочку, которая жила по соседству. Ему было лет тринадцать, а ей на год меньше. Он, конечно же, был знаком с ней еще с детства, но каковым было это знакомство?

Кто он был для нее? Молчаливым, закрытым парнем, у которого не было ни друзей, ни особых способностей, парень, который целыми днями проводил за книгами или же в роботе по дому. Несмотря на это, девочка, все же, взялась за роль единственного друга для этого странного человечка. Однажды летом, когда было куча свободного времени, Лена, чисто из любопытства, попросила научить ее языку глухонемых. Она стала первым человеком, который был рядом с Гавриилом так много времени, общался с ним, гулял и даже делился эмоциями. Они смеялись над комичностью попыток Гавриила объяснить то или иное сложное слово, которое он и сам плохо знал. Гуляя по улицам их маленького городка они ели мороженное и рассматривали все вокруг, а когда происходило что-то смешное, или просто любопытное, они многозначительно переглядывались и понимали эмоции друг друга благодаря одним этим взглядам. Иногда они следили за попытками почтальона отдать пенсию бабушке Кате, у которой была огромная овчарка подаренная детьми. Эта овчарка страшно не любила почтальона и всячески препятствовала его работе. Ребята тогда решили, что это из-за запаха спиртного, которым любил баловаться почтовый работник. Последний, кстати, предпочитал не оставаться в долгу и покрывал агрессивного пса всевозможной народной мудростью, которая, очевидно, должна была понизить самооценку овчарки и остудить ее пыл. Со стороны все это смотрелось очень мило, и ребята получали от такой стычки человека и животного массу позитивных эмоций. Особенно радовало время спектакля, оно было довольно таки продолжительным. Старая женщина обладала очень плохим слухом и в тех случаях, когда она уходила на огород, за дом, то совсем не слышала лая овчарки, и почтальон проводил у ее ворот немало времени. Самым любимым занятием для Гавриила было учить Лену языку жестов. Во время таких уроков они погружались в его мир, где не было звуков, и юноша чувствовал это. Они сидели друг напротив друга и могли следить за каждым движением глаз или изменением линий на устах, что передавало те эмоции и ту информацию, которая была доступна Гавриилу. В такие моменты Гавриил постоянно улыбался не в силах сдерживать радости, ведь в его мире тишины и невероятно тонких деталей, которые давали ему представление об тех или иных вещах, поселился еще один человек. Гавриил улыбался, и Лена отвечала ему тем же, хотя и не могла понять тех чувств, которые переполняли ее друга. Скорее она просто не придавала этому какого-то глубокого значения. Даже родители не были так близки с ним, ведь они всегда были заняты, а вечером приходили усталыми. У него были еще учителя, но те просто

давали ему знания и совсем не интересовались им как человеком. Да, родители любили его безумно, как и все хорошие родители, но они скорее ждали, когда он станет взрослым и поймет тот мир, в котором живут они, не пытаясь вникнуть в то, что создавало Гавриила как человека. Да и не могли они сделать это полноценно, жесты хороши для общения, но когда разговоры заходили в тупик, то проще всего было просто улыбнуться и уйти. Кто-то всегда выбирал именно этот путь, причем чаще всего его выбирал именно Гавриил. Кто знает, кем бы он вырос, если бы в его жизни не появилась Лена. Она была другом и человеком с другой планеты, буквально из другого мира. Она, сама того не зная, вытащила его из пропасти внутренних миров, которые он уже начинал строить дабы убежать от тех реальных вопросов, которые нависали над ним, от одиночества, от безысходности положения и от неопределенности будущего. Гавриил терял веру, а эта девочка вдохнула ее в него снова, и он доверился ей полностью. Парень увлекся этой дружбой всецело, ему вдруг показалось, что он не чужой в этом мире.

Но лето длилось всего три месяца, а осень означала, что она идет в школу, а он начинает свои вечерние занятия. Так уж сложилось, что Лена училась днем, в первую смену, а Гавриил во вторую, под вечер. Учителя, которых нанимал отец, могли преподавать только после обеда. В итоге ребята виделись все реже, иногда на каждые выходные, а иногда еще реже. Гавриил хотя и хотел видеться чаще, но по-детски решил, что это не так уж и важно. В этот сложный период он, как и большинство подростков, которые ищут себя, увлекался самыми разными вещами. Для него их было меньше, но все же он пробовал заниматься различными занятиями. В одно время это была живопись, к которой у Гавриила оказались способности, потом это были наука, а потом спорт. Так шел год за годом, но в трудные моменты, когда приходили неудачи или болезни, из глубины подсознания всегда приходил образ Лены, первого и последнего человека, который увидел в нем личность, какой бы она не была.

Но скоро Гавриилу пришлось узнать, что такое потерять свое счастье, оказаться опять одним против всех. Этим летом ему исполнилось семнадцать лет, а Елене – шестнадцать. Когда она сдала все свои экзамены, закончила другие дела, о которых Гавриил и не знал, они стали видится каждый день. Ходили на озеро и даже записались на кружок рисования, куда очень хотела пойти Лена. Гавриил был, мягко говоря, не в восторге от этой идеи. Он знал, что там он будет как диковинный зверь в зоопарке. Всем захочется проверить, правда ли он глухой, правда ли, что он

не может говорить? Жестокие подростки могут даже попытаться нанести ему вред, чтоб услышать, что он скажет или прокричит, такое уже бывало прежде. Но ради Лены и ее умоляющих взглядов он согласился на это и был рад, что поступил так. Девушки и парни, которые ходили в эту школу, были немного другие, они работали над своими холстами, старались угодить учителю или еще кому-то, но им практически не было дела до Гавриила и ему это очень сильно нравилось. Он даже полюбил этих ребят, потому, что они не только смеялись или вели бессмысленные беседы по углам, как это делали его соседи одногодки, они работали, стремились к чему-то кроме веселья. Но больше всего он полюбил этот кружок за то, что отныне он был не разлучен с Леной, даже больше, он тренировался с ней и вне школы. Они пытались изучить многие стили и работы других художников. Для Гавриила этот мир красок был немного знаком, и он чувствовал себя в нем ловко. А Лена была в нем новичком, но от нее исходило нескрываемое любопытство.

Один из таких вечеров закончился романтическим и незабываемым поцелуем. Гавриил тогда понял, что Лена стала частью его жизни раз и навсегда, и ему дико не хотелось отпускать ее в тот вечер. Он уловил какую-то грусть в ее глазах, видел, что что-то идет не так, чувствовал это, но его собственное счастье затмило все подозрения. Они расстались около полуночи, а на следующий день Гавриил узнал, что Лена уезжает. Мать сказала ему, что видела, как они грузили сумки в машину и уезжают, как она сказала: «скорее всего, на вокзал». По чистой случайности она решила узнать у Гавриила, куда именно они едут, потому, что даже подумать не могла, что сын не в курсе. Вчерашняя тревога снова всплыла в мыслях Гавриила, он быстро оделся и помчался пешком на вокзал. Он бежал в надежде, что Лена не уедет, что она просто провожает кого-то, а перед глазами крутились жесты матери, которые говорили о том, что все ребята уезжают в город на учебу. Что и Лена, наверное, поедет. Но Гавриил никогда не верил в это.

Он выбежал к путям, где было всего два перрона, вполне справлявшихся с их маленьким городком. Он пробежал глазами по людям и увидел Лену, которая была в очереди к вагону, она не видела его, и он не знал, как поступить. Что сделать? Побежать туда и на глазах у ее родителей обнять ее? Попытаться сказать что-то? Что? Что она для него важней всех? Ох, если бы он понял это тогда и, если бы рванул изо всех сил и попытался что-то объяснить. Но сколько из этого она бы поняла? Гавриил помедлил, он понимал, что происходит что-то очень важное, но не был уверен, что от него что-то зависит. Он помедлил еще миг

и, уже казалось, решился подойти и попытаться объяснится, сделал шаг, и в этот миг перед ним промчался большой товарняк. Он все ехал и ехал, в нем было тысяча вагонов как минимум, точнее так казалось Гавриилу. Он видел в короткие миги, когда образовывались пролеты между вагонами, как очередь Лены все уменьшается и уменьшается, люди входили в вагон. Вскоре товарняк наконец-то пролетел мимо, и Гавриил увидел, как проводник, окончив посадку, опускает мостик и готовится закрывать двери. Парень в отчаянии пробежался глазами по окнам и увидел в одном из них Лену. Она смотрела на него, прижавшись лбом к стеклу. Он перепрыгнул через перрон, подбежал к окну, не зная, что сделать, глупо было говорить, что он любит ее, что жить без нее не может, ведь по-сути они не были вместе, и он и сам не знал точно насколько она ему дорога. Он спросил на языке жестов - куда она едет, она ответила, что это переезд, что они уезжают навсегда. Гавриил помедлил, она улыбалась, он глупо улыбался в ответ, они были растеряны, на глаза находили слезы, а на лице была улыбка. Поезд тронулся, и Лена помахала Гавриилу, у нее на глазах выступили слезы, он шел за поездом, который все набирал ход. «Я напишу тебе»- показала жестом Лена, когда Гавриил уже почти бежал, вскоре перрон закончился и Нелевский остановился. Улыбка сошла с его губ, рука перестала махать и опустилась, будто под грузом в несколько тонн. Что-то кричало в нем, он никогда прежде не чувствовал такого, что-то неистово разгоняло сердце и разливало реки огня на него. А позже пришла пустота потом надежда, потом опять боль и так бесконечно. Гавриил стоял на краю перрона еще несколько минут после того, как поезд скрылся из виду…

Этот случай круто изменил его жизнь. Длительная депрессия привела к череде болезней, потом воскрешение и несколько выводов как результат урока. Любимым девизом для Гавриила стала случайно найденная в интернете фраза: Doom spiro, Spero –«Пока дышу – надеюсь». Гавриил понял, что с таким девизом отныне он будет непобедим, а чтоб не пропускать счастье ему пришлось под корень сменить свое понимание любви и всего что с ней связано. В частности он понял, что кроме того, чтоб найти любовь ее еще нужно распознать и уберечь. Лена позже написала ему, что не знала, что сказать и как сказать, и обещала, что они обязательно встретятся еще. Тогда начался период переписки, который уже больше не заканчивался. Иногда они встречались в городе и это были самые прекрасные моменты жизни Гавриила. Их любовь и сейчас висит на волоске, испытываемая обстоятельствами и ни он, ни она уже не берутся строить планов, но то счастье, которое они уже отдали друг другу никогда и

никто уже не сможет затмить. Гавриил мечтал и много работал над тем, чтоб устроить будущее для него и ее, но у них было еще много преград, да и встречаться они начали все реже. Гавриил понимал, что возможно это конец, но выводов делать не спешил.

II

Утро сегодня выдалось пасмурным. На пробежке Гавриил не встретил ни своего соседа по беговой дорожке, бывшего боксера, ни нескольких молодых парней, которые почти всегда выходили на беговые дорожки стадиона. Вскоре начал капать дождь, заставший Гавриила на турнике. Тот стал скользким, и заниматься стало трудней, да и плечи намокали, и было принято решение возвращаться домой, пока дождь не усилился. Тренировка была продолжена дома. Отжимания и отработка ударов, а также, что стало новым увлечением Гавриила, тренировка боя на мечах. Он нашел руководство по неким костюмам на складе, а потом появились сутры, требующие умения драться на мечах. У них их было всего две. Гавриила приписали к ним как мастера по механическим частям, суставам и другим. Тогда - то он и понял, что грядет другой век, век таких вот скафандров, которые сделают стрелковое оружие вчерашним днем, и он начал практиковаться в бое на мечах. Он не знал почему, но что-то говорило ему, что он должен. Нет, у него не было шансов попасть в элитные войска, где нужно координировать действия по рации, но он верил, он все еще верил в чудеса и шел на поводу своих предчувствий.

Важной составляющей тренировок Гавриила было развитие внимания. Он очень внимательно следил и за тем, чтоб его голова всегда была чиста от мыслей и идей, которые навязчиво роились в мозгу. Он старался быть чистым и открытым для любой информации, которая шла от окружающего мира, и он преуспел в этом. Он был красивым человеком. Он был силен физически и духовно, он был красив умом. Когда такие люди уходят от нас, мы не беспокоимся за них, мы плачем потому, что некому будет нас подстраховать, что не будет того, кто всегда заметит угрозу, кто вытащит из самого ада. О таких людях говорят: «Думай о нем что хочешь, но когда мир начнет рушиться - молись, чтоб он заметил тебя зажавшегося в угол и обделавшегося от страха и вытащил прямиком из того света».

Гавриилу даже нравилось иногда мечтать о том, что он именно такой человек. Многие, если не все, парни мечтают быть героями, но одни только мечтают, а Гавриил стремился к этому, он набирался сил. Он замечал, что когда ветки деревьев шатаются от сильного ветра, то люди чаще оборачиваются в сторону, с которой дует. Зная о звуке и его свойствах больше чем другой

рядовой человек, который с этим звуком знаком с детства, Гавриил понимал, что со стороны ветра приходит больше информации, а значит за этой стороной нужно следить чаще. Он учился читать тени, различать, как они ложатся на землю, от каких предметов или объектов отходят и как искривляются в зависимости от предмета, на который упали и от источника света. Весь мир вокруг него был как на ладони, а он при этом ничего не слышал. Кроме всего прочего он учился чувствовать субъективно, с помощью, так называемого, шестого чувства. Он запоминал, когда ему доверять, а когда нет, пытался изучить. Но вскоре пришел к выводу, что его очень легко спутать с фантазией и что настоящая интуиция приходит сама собой, когда существует реальная угроза.

После легкого завтрака Гавриил принялся утюжить форму. В результате всех действий в комнате и на кухне образовался бардак, и, в конце – концов, пришлось заняться еще и им. Закончив все приготовления, Гавриил отправился на работу. Он любил приходить пораньше, когда еще не было офицерского состава, который парня недолюбливал. Однако у Гавриила были мощные тылы, да и сам он стал профессионалом, за которым военные части драться должны, а не перебирать. Он мог выточить детали целиком, мог отремонтировать старые, а это тома знаний по металлу, механике и строению оружия. Те, кто вертел носом, были глупыми завистниками, которые не понимали, что все это результат тяжелого труда.

День выдался на славу. Может Гавриил и любил поработать, но и отдых был ему не чужд, а сегодняшний день не нес ни на его тело, ни на его разум, ни малейшей нагрузки. Поэтому, он на пару со своим наставником, довольно таки пожилым мужчиной, главным военным инженером во всем западном регионе, с головой ушел в развлечения. Как-то так сложилось, что именно сегодня был такой день, в который все вокруг застывает на месте и военная часть застыла. Офицерский состав испарился еще около двенадцати, тренировочная площадка была пуста, в ангарах кто-то был, но кроме звуков речи оттуда ничего больше не исходило. Потому старик и пришел к Гавриилу, очень уж он любил шахматы, а Гавриил любил учиться и преуспевать и к этому дню являлся серьезным соперником. Гавриил любил старика, тот всегда говорил с ним, несмотря на то, что Нелевский не слышал, и парню казалось, что он слышит и понимает, что он нормальный человек, который беседует со своим коллегой. Но без обеда им было не до игры. Поэтому пришлось пойти на старую хитрость, взять старый ящик и отправится на кухню. Если работник склада с ящиком, значит, он работает и совершенно

неважно, куда он направляется. На кухне тоже были свои люди, которые не раз исчезали в тенях складских помещений, чтоб отоспаться или просто позвонить девушке. И вот Гавриил и его ящик с обедом уже направляются на склад. День обещает быть приятным.

- Ты изрядно преуспел в игре, друг мой – спустя несколько часов напряженной игры разорвал тишину Станислав Михайлович. Гавриил заметил, что тот что-то говорит, и вопросительно посмотрел на него. Мужчина, вспомнив об особенности Гавриила, поднял большой палец вверх, вдогонку объясняя мимикой, что он удивлен сильной игрой Гавриила.

Сам Гавриил был удивлен. Сегодня он чувствовал себя неимоверно хорошо. Много сил и некая легкость в теле, ему даже начало казаться, что он привык ко всем трудностям жизни и достиг гармонии и счастья в ней. Такое иногда бывает, даже глаза, кажется, замечают в несколько раз больше, а разум успевает за множеством деталей, которые прежде могли даже выводить из себя. Ближе к вечеру Станислав Михайлович ушел домой, как и большая часть персонала базы, но Гавриил еще оставался. Ему не куда было идти, и он проверял складские отчеты до позднего вечера.

В то время как далеко на востоке Михаил Соборов уезжал из Киева, опасаясь от атаки на его город, Гавриил Нелевский мирно рассматривал цифры на своем рабочем месте. Внезапно он услышал крики в коридорах. Люди носились туда и назад. Завопила сирена, но погасла через минуту. Гавриил выбежал в коридор, но там уже никого не было. Он отправился дальше на улицу и увидел страшную картину. В округе базы лежали люди. Кто-то вышел из здания напротив, сделал шаг и упал замертво. «Что происходит?» - кричал разум Гавриила. Из другого здания вышла группа людей в полной боевой готовности и противогазах. Химическая или биологическая атака – это было очевидно! Но на складе Гавриила было лишь оружие, если ему нужно добраться до противогазов, то это означает, что нужно пройти по зараженной территории, через всю базу. Тем временем, пока Гавриил соображал, взвод, который выбежал из казармы, уселся в ближайший от них джип и помчался вон к выезду. Через миг джип начал менять направление и, резко повернувши вправо, врезался в бетонный столб. Даже противогазы не помогли им! Но это и не удивительно, они были невероятно старыми, а фильтры были хуже обыкновенной маски.

Что же теперь делать? – мелькало в голове у Нелевского. И тут вдруг как гром среди ясного неба к нему в голову пришла мысль о сутре. Ведь у него на складе было две сутры, одна

офицерская, которую одевать более предпочтительно и вторая обычная. Парень тут же помчался подальше от выхода вглубь склада. Ему, пожалуй, повезло, что на улице было довольно жарко, и воздух банально не двигался, ветра не было, иначе ядовитый газ задуло бы в маленькую дверцу склада и Гавриил бы тут же погиб. Но случай дал ему шанс и он его оценил, воспользовавшись им.

Еще одни двери остались позади. Нелевский бежал со всех ног к заветной двери в самую «крутую» комнату, как ее называли на базе те, кто о ней вообще знал. В этой комнате были сутры, оружие к ним и вся диагностическая и ремонтная аппаратура, которая прилагается в комплект к такой серьезной и дорогой технике. Эти сутры были тут случайно, они по бумагам уже давно стояли на складе в Луцке, а тут они несколько месяцев служили в тренировочных целях. Но это в теории, на самом деле они просто стояли тут, хотя однажды их применяли двое людей. Костюмы одели и забрали вечером, и спустя сутки вернули. С тех времен они служили любопытству Гавриила, и он утолял его в полной мере, как ребенок, получивший на рождество железную дорогу. Сейчас ему предстояло осуществить свои мечты, одев его, и одновременно окунутся в ад, который ждал его снаружи.

II

Украина; г. Дубно.

Улицы спальных районов и окраины.

27 августа 17:30

На улицах было пустынно. Машины стояли где попало, некоторые, потеряв водителя, врезались в столб или стену. Новенький джип БМВ, расплющив передок до неузнаваемости, уперся прямо в фонарный столб и тот согнулся почти на крышу джипа. Ближе к городу ехать стало не возможно. Среди машин не было дороги, Гавриил уперся в пробку. Пришлось покинуть БМП и отправится дальше пешком. От машин еще исходило тепло, с момента, когда на базе начали умирать люди, прошло всего десять минут. Пять минут пришлось потратить на одевание сутры, которая требовала тренировки в этом вопросе. Но теперь Гавриил шагал вполне уверено. Он взял все оружие, которое было доступно, кроме снайперской винтовки, ожидая, что цели на большом расстоянии он все равно не заметит, не имея предварительных данных о них. Итак, в арсенале у него был большой двуручный меч класса Тотус, два меча поменьше класса Виджилант, большой кинжал, похожий на мачете, который крепился на голени и маленький нож для метания и личных целей на левом плече. Из огнестрельного - Гавриил прихватил КПВ с полным походным комплектом, это был перебор, но он не

знал о том, что его ждет.

Подойдя к когда-то людным местам и улицам, превратившимся в одно сплошное кладбище, Гавриила охватила паника и страх. Казалось, что все сговорились и куда – то ушли, в рай или еще куда-то, а Гавриила оставили одного на этой земле, пожинать плоды их поступков. Мозг старался объяснить сложившиеся непонятные обстоятельства, удивительное качество. Могло показаться, что это какой-то глобальный розыгрыш или протест против отсутствия мест для отдыха. Все люди сговорились и решили провести странную акцию. Они улеглись на асфальт где стояли и ждали команды на отбой. Гавриил вглядывался им в лица пытаясь увидеть признаки жизни. Он заглядывал в глаза и быстро отводил взгляд, такой пустоты он еще не видел, в этих глазах уже ничего не было, у них не было даже взгляда. Гавриил почувствовал слабость и легкую тошноту, сердце билось как сумасшедшее, а ноги стали тяжелыми как многотонные бетонные плиты. Он упал на колени и подался вперед, на руки, чтоб не упасть на бок. Это был ужас. Стены домов начали нависать, машины приближаться, перед глазами мелькали лица умерших, хотелось закричать, позвать кого-то, Гавриилу эта роскошь была недоступна. Он не мог понять, что с ним, а потом понял. Перед ним лежала Лена. Сомнений быть не могло…Он попробовал кричать, но так и не понял, что с того получилось. Ему уже возможно некому будет рассказать о том, что он чувствовал в этот день. Внутри что-то порвалось навсегда.

«Как так?» - мелькало в голове у несчастного человека, который, казалось, остался один на всем белом свете. Он заплакал. В груди что-то пекло, что-то рвалось наружу. Гавриил впал в гнев. Впервые за свою жизнь он впал в ужасный гнев. Силы снова влились в его мышцы. Он сбросил пулемет, взял на руки Лену, и снова упал на колени, снова заплакал, увидев ее. Его начало мучить чувство вины. Он снова поднялся и не сводил с нее уже глаз. Он шел обратно, за город, он клялся себе, что отомстит каждому врагу, который причастен к этому. Гавриил вспомнил о родителях, любовь к ним вернула ему человеческий облик. Он успокоился и силой воли подавил остатки страстей. Позже слезы возвращались, он не думал раньше, что Лена значит для него так много. Она была его единственным другом, его мечтой и надеждой одновременно.

«Я буду сражаться во имя моей любви к тебе» - это стало его новой целью, жить и сражаться с теми, кто причинил вред самому дорогому для Гавриила человеку.

Начинало темнеть. Гавриил смирился, что он должен продолжить свой путь. Заложив тело Лены камнями, буквально

построив из обломков бетона саркофаг, он взвалил на низенькие стены огромную плиту, которая прежде служила перегородкой для этажей. Крест из металлических прутьев и короткая молитва, вот все, что он мог сделать. К сожалению, все…

Обессиленный потерей Гавриил отправился в город. Начало смеркаться. Когда он вернулся в тот же район, где нашел Лену, пережитая боль потери с новой силой нахлынула на него, но больше Гавриил не дал этому ходу. Хватит. Нужно было жить дальше. Он ничего не мог изменить, он не мог забыть, не мог даже всецело смириться, и он отдавал себе в этом отчет. Тогда он просто взвалил и этот крест себе на плечи и пошел вперед.

«Господи, прошу тебя, прости мне, если я своими словами или действиями прежде позорил тебя, прости, что никогда не обращался к тебе с доброй вестью и никогда не благодарил, но сейчас мне нужна твоя помощь. Прошу, позаботься там о Лене, я уже не в силах ей помочь. Прошу укрепи и меня, я не знаю куда идти и что мне делать, я не в силах уже и подняться. Я верю, что слышишь, тот кто есть любовь не бросит меня сейчас. Спаси меня и ее, Отец, любым способом каким захочешь».

Гавриил молился про себя, стоя на колене и опираясь на меч, как когда-то молились мужчины, которые отправлялись из дома защищать родину. Он стал заложником обстоятельств. Ему предстояло воевать, как он и хотел и вот она парадоксальность нашей жизни, теперь он ненавидел эту войну всем сердцем, как только мог ненавидеть человек такого доброго и чистого сердца как этот.

Набравшись вдохновения, Гавриил оглянулся по сторонам, вокруг не было никого. На дома падало желтое солнце, уходящего дня. Оно пробиралось сквозь деревья, покачивающихся от ветра, которого Гавриил как и прежде не слышал. На улицах по прежнему лежали люди. Гавриил встал на ноги и осмотрелся. Впереди была улица, ведущая прямиком к центру. Левее была многоэтажка, которую выстроили под офисы несколько лет тому назад. Краем глаза Гавриил уловил, что с третьего этажа этой многоэтажки выпрыгнула фигура человека, и он побежал туда. Перепрыгивая и наступая на прогибавшиеся под ним автомобили, Гавриил за полминуты подбежал к дому. Как только он выбежал из-за угла очередного строения и начал осматриваться, его вдруг охватила тревога, он посмотрел на право. Там был украинский танк, который стоял как раз дулом в сторону Гавриила. Дуло опустилось на сантиметр, и прогремел выстрел. Пусть Гавриил и не слышал звука, но в его голове все равно сильно загудело от столкновения со снарядом. Он летел и летел, пока не ударился спиной о стену, наконец-то, остановившую его. Тяжело

поднявшись, Гавриил заметил, что при всей ужасной силе удара сутра не повредилась. Немного поцарапалась краска и теперь посреди грудной клетки, в месте непосредственного столкновения со снарядом, появился блеск вместо незаметного мата. Быстро оправившись от головокружения, Гавриил отпрянул в сторону, от места, где он упал, с трудом успев сделать это до следующего выстрела. Спустя миг прогремел еще следующий залп и от стены полетели осколки, но это уже было не страшно. Нужно было двигаться к танку зигзагом, перекатываясь то влево - то вправо, это первое, что пришло в голову парню. Но перекатившись пару раз, он понял, что башня танка все равно не успевала за ним, и он бросился бежать быстрей, иногда перемещаясь то в одну сторону, то в другую. По тому, как танк подавался назад еще два раза, Гавриил понял, что стреляют наугад. Также пришлось заметить, что пулемета при нем не было, значит, от взрыва, повредило крепеж, который был из обыкновенной стали. В прыжке от танка воин выхватил двуручный меч и, в невероятном для человека прыжке, свалился с огромной силой на танк, впившись мечом в место, где наиболее вероятно был водитель. Вытащив меч, он продолжил рубить танк. Меч входил как в масло. Толстая броня не в силах была остановить сверхактивное покрытие меча – искусственно созданный энергетический элемент Ун. Спрыгнув с танка, Гавриил срезал дуло и еще часть башни. Сначала ему пришло в голову открыть люк и посмотреть есть ли кто живой внутри, но потом он решил просто срубить передок танка, который итак уже пришел в негодность. Кода он пару раз ударил, и от машины начали отваливаться метровые куски, сзади кто-то вышел. Он подходил медленно, занося такой же меч у себя над головой. Увлеченный Гавриил не заметил сперва своего соперника, но того выдали тени. Обернувшись к человеку в черной сутре, где только можно увешанной всевозможными лезвиями и клыками, как в фильмах о викингах, Гавриил опять почувствовал тревогу. Отпрянув назад, он практически спасся от страшного удара. В тот же миг, когда он приземлился, первый воин, появившийся из танка, ударил с замахом по большой дуге. Хотя удар был достаточно внезапный и стремительный, Гавриил успел отпрыгнуть вперед, приземлившись на полуразрушенный танк. Второй воин тут же подпрыгнул и ударил сверху вниз, парни явно не ждали случая, а просто забивали его в угол. Оттолкнувшись резко рукой, Гавриил отлетел на несколько метров и приземлился далеко за танком.

Гавриил поднялся и встал в боевую позу. Он немного знал о бое на мечах и не намеревался сдаваться без сопротивления, тем

более у него была просто феноменальная реакция и чутье. В бою нужно знать и свои преимущества, чтоб враги не могли сломать вас психологически. Нужно хвататься за все, что угодно. «Пока дышу – надеюсь» - прозвучало в мыслях у Гавриила.

Нелевский уже боялся упустить что-то и осмотрел пространство вокруг себя. Это была площадь, и к домам было довольно далеко, а это значило, что застигнуть его врасплох теперь будет сложней. Парень бросил взгляд на дома напротив, это были старые пятиэтажки восемнадцатого века с узорами вокруг окон. Из одного из окон выпрыгнул третий воин в черной броне. Это было уже слишком, но деваться было некуда. Гавриил взял себя в руки и сконцентрировался, он заставил себя поверить в то, что он может победить. Те двое не нападали, они кружили вокруг как трусливые гиены, предпочитавшие сражаться с максимальным преимуществом. Третий мчался длинными прыжками. Запрыгнув на танк, он высоко взлетел и, выхватив в полете меч, падал на Гавриила. Нелевский откатился в сторону другого воина, который совсем не ожидал этого. Одним ударом он сделал глубокий порез у него на животе, рана сразу залилась темно-серой медицинской пеной, находившейся под давлением в специальных трубках в костюме. Она сохраняла герметичность и заливала рану, если создавался вот такой порез. Пока второй воин корчился от боли, Гавриил кувыркнулся еще раз по земле и, оказавшись позади у жертвы, в одном движении встал и срубил голову противнику. Он был спокоен и уверен, он был прекрасным воином.

Двое опешивших бойцов переглянулись. Они наверняка общаются и что-то придумают, подумал Гавриил. И он был прав. Они начали бить почти одновременно, держались вдали от Гавриила, пытаясь поранить его кончиками мечей. Он парировал удар за ударом, но их скорость и сила выводила его из равновесия, и приходилось отступать. Нелевский делал шаг за шагом назад, все быстрей и быстрей, двое противников атаковали уже невероятно стремительно и часто, внимания пока что хватало, но чем дольше он дрался в таком темпе крыльев колибри, тем быстрей рос шанс ошибиться. Нужно было изменить свою позицию. Либо подняться, либо отступить, либо войти в здание, где стены создадут преграды для противников, которым будет сложней координировать действия. Если противников несколько, то нужно воспользоваться той возможностью, что они могут помешать друг другу. Но до стен было далеко. Гавриил с неимоверным усилием отбил один за другим удары противников, немного отбросив их назад, потом он бросил меч за спину, и тот примагнитился к креплению, затем выхватил с плеча щит и

одноручный меч поменьше.

Теперь у него появилось преимущество в защите, нужно не медленно убрать одного из них. Заблокировав еще несколько ударов, Гавриил сделал довольно резкий и опасный выпад в сторону противника, атаковавшего справа. Тому с трудом удалось отпрыгнуть довольно далеко назад. Тогда Гавриил переключился на левого. Он парировал удар и отвел его в сторону, что было нелегко, потому, как удар был невероятно сильным, даже учитывая, что Гавриил был в сутре. Хорошо, что он взял офицерский скафандр, в нем мышцы потолще. Отведя удар, Гавриил ударил щитом в корпус, сбивая левого соперника с толку, и, когда тот отшатнулся на какой-то миг, ловя равновесие, парень резко метнулся и ударил сверху вниз в шею. Все было задумало и проделано идеально, но вмешался другой воин, подставив в последний миг щит над товарищем.

Левый сразу перегруппировался и откатился в сторону. Что ж надо признать, что самообладание у ребят то, что надо. Они тут же отреагировали и разошлись по сторонам. Это было сделано в ответ на защитную позицию Гавриила, которая себя оправдала, они сменили тактику. Против него дрались опытные и тренированные бойцы. Гавриил тоже спрятал щит, как и воин, атаковавший справа. Тут уже не до защиты, когда тебя атакуют с несколько разных сторон, тут либо ты, либо они.

Первым пошел тот, который зашел справа от Гавриила, это он защищал товарища щитом, и он спрыгнул с дома, атакуя первым, он был смелей и более уверенней. Тот воин, которого Гавриил почти настиг после толчка щитом, был наверняка более подавлен и потому, выжидал. Нужно опять свести их вместе, решил Гавриил. Нужно прикрыться уставшим морально соперником от более сильного, потому, что подавленный воин более медленный и более способный на ошибку. Если же сделать так, чтоб он мешал более сильному, то их суммарное преимущество резко снизится. Гавриил считал на ходу. Он смотрел вглубь поединка, он еще ни разу с начала боя не подумал о победе или поражении, его разум был открыт для любой информации.

Гавриил взялся за выполнение плана. Он неистово рванул к нападающему, нарочно повернувшись спиной к аутсайдеру и начал молотить со всех сил заставляя того защищаться какой-то миг. Одновременно Гавриил заходил на право, разворачивая соперника, чтоб можно было увидеть атаку аутсайдера. Едва он успел это сделать, как тот подлетел в высоком прыжке и нанес удар. Гавриил отпрянул назад и сразу двинулся в атаку, специально перемещаясь со стороны в сторону, чтоб тот, что посмелей оказывался за спиной у аутсайдера. Смелый попробовал

обойти, но не получалось и он откатился назад, пытаясь оценить ситуацию, и уже успел помешать своему товарищу. Оказавшись в западне, аутсайдер не смог отпрянуть назад, наткнувшись на своего же напарника, и получил удар в сердце от Гавриила. Когда смелый встал на ноги и понял, что произошло, когда его напарник, постояв секунду неподвижно, рухнул на землю, поднимая клубы пыли, то и он превратился в жертву. Он опустил меч чуть ниже и стоял неподвижно, переводя взгляд то на нелепо погибшего напарника, то на Гавриила. Он потерял уже второго своего товарища. Пусть с первым он смирился, решив, что Гавриилу повезло, но сейчас он должен был быть в растерянности. За несколько минут из охотника он превратился в жертву, потеряв огромное преимущество.

Гавриил не собирался давать ему прийти в себя. Перед его глазами вставал образ Лены, которую он потерял, скорее всего, по вине этого человека.

Сделав шаг, Гавриил, слегка коснувшись земли, взметнулся в воздух на приличную высоту и с огромной скоростью рухнул на землю, нанося страшный удар. Меч на половину погряз в асфальте, но противник кувырком успел отпрянуть влево. Гавриил вытащил меч и, резко кувыркнувшись назад через себя, ушел от удара. Оказавшись правее от врага, который всем весом шел вперед, Гавриил ударил справа, описывающим круг ударом, от которого противник не мог уклониться или уйти. Ему пришлось блокировать удар своим мечем, тем самым, оказываясь уже в защите, а не в атаке. Гавриил нарочно бил легко, подготавливая тело к другой стойке, перейдя в которую он нанес решающий удар сверху вниз по шее наклонившемуся вперед врагу. Голова последнего из них упала на землю.

III

Пулемёт валялся у той стены, в которую Нелевского вколотило снарядом из танка. В тот момент, когда был получен этот удар, пулемет был за спиной и удар пришелся по креплению, не повредив КПВ. Было решено взять его с собой, пока будущее остается слишком не определенным. Солнце уже практически зашло. Между домами было совершенно темно, только небо на западе еще светилось и переливалось то в желтых, то красных цветах. Было красиво, отличный летний вечер для отдыха в удобном кресле с видом на закат. Но скоротать его пришлось по-другому.

Гавриил на миг остановился и посмотрел туда на запад, ему вдруг стало грустно за той жизнью, которую прежде он не ценил. Эти последние лучи солнца в этот роковой день казались прощанием, будто прошлое, которое мы вполне могли сделать

счастливым и комфортным, но не сделали по каким-то причинам, ушло. Оно собрало вещи и забрало с собой городские удобства, изобилие пищи, развлечения и тысячи всевозможных шансов и судеб, оставив только войну, которую так любят люди. Оно ушло, забрав с собой тех простых трудяг, которые ее ценили, а оставило политиков, военных и ученых, которые свою жизнь отдавали чему угодно, но не счастью. Оно ушло и бросило сейчас Гавриилу последний взгляд и вскоре погаснет навсегда. Да, солнце взойдет снова, но оно будет уже другое для всех нас. Гавриилу хотелось верить, что он остался здесь, в этом новом мире ужасов и смерти, жизни со страхом, как миротворец, а не как заключенный. Гавриил принял решение, что отныне он будет находить радость в каждом дне, в каждом удобном случае, маленькие радости – это и есть смысл жизни, пусть даже кажется, что вокруг ад.

Гавриил шагал на север. Его мучили тяжелые мысли и вопросы. Пока он был занят боем, он забыл обо всем на свете и сейчас он мечтал отвлечься опять. Он взял себя в руки и начал исследовать местность, утопающую во тьме. Он переключал всевозможные зрительные фильтры, то инфракрасное зрение, то тепловизоры. Но вокруг не было ни души.

Гавриил только что прошел центр городка, и справа от него было одно из самых уютных и старых кафе. Он взглянул на него и воспоминания нахлынули. Образы и почти ощутимое чувство уюта, которое он чувствовал в этом кафе лились одной волной и он ничего не успел сделать. Тут он встречался с Леной в те редкие моменты, когда они были свободны от дел. Лена уже отлично владела языком жестов, и они засиживались до закрытия, обсуждая всевозможные события и общаясь на любые темы. Они любили столик в углу у окна, особенно приятно было сидеть там с чашкой кофе или чая, когда на улице лил дождь. Кафе было слегка ниже уровня мостовой, потому, что располагалось в старом доме, и от земли до окошка было около метра. Люди сновали туда-сюда, пытаясь меньше намокнуть, а у вас в руках был теплый напиток, где-то за спиной светил приятный теплый свет от старой настенной люстры, а глаза не могли оторваться от самого близкого человека в мире. Будут ли еще такие моменты в жизни у Гавриила Нелевского? Лучше не строить особых планов.

Вдруг, после очередного пролистывания всевозможных визуальных фильтров, Гавриил уловил большое количество тепла на севере. Много живых объектов, возможно несколько десятков. Ускорив шаг, он помчался туда, тем не менее, сохраняя бдительность и смотря под ноги. Неосторожность уже стоила ему части экипировки, и теперь приходилось тащить пулемет в руке.

Расстояние, отсчитываемое бортовым компьютером, быстро уменьшалось. Перейдя в инфракрасное зрение, Гавриил мог увидеть зеленую картинку, где было несколько десятков огромных существ, выстроившихся в полукруге перед дюжиной людей. Гавриил не знал, что так они ожидали прибытия своих хозяев, он вообще не знал кто перед ним и на что способны эти звери.

Итак, ситуация такова - один человек против трех десятков металлических псов в довольно таки упругой броне. Дальше, на большом мосту, устроенном над железнодорожными путями, который выводил на автостраду, всего в пятидесяти метрах, группа людей. Некоторые из них военные или бойцы полицейского спецподразделения, если судить по форме, они заняли периметр вокруг гражданских и целились в зверей. Вопрос в том, почему люди не уходили дальше на север, но это потом. Сейчас нужно было незаметно сместиться в сторону, чтоб на линии огня пулемета были только звери. Гавриил решил пойти левее от них, там была большая перевернувшаяся фура. Можно было не заметно пройти за ней и даже выбраться на прицеп. Людей нужно спасти любой ценой. На мосту есть освещение, видимо какие-то электростанции еще работали в автономном режиме, поэтому драться придется в условиях плохой видимости. Все визуальные фильтры давали слишком плохую картинку.

Подошва из мягкой резины позволяла двигаться довольно таки бесшумно, но что Гавриил знал о шуме? Поэтому, ему приходилось полагаться на реакцию псов. Когда какие-то из них нервничали - он замедлялся и ждал. Вскоре, благополучно запрыгнув на вполне приличную огневую точку, пришло время повоевать. До ближайших зверьков, размером с взрослую свинью, было метров шестьдесят – семьдесят. Гавриил открыл огонь. Пятеро псов упало замертво сразу, остальные запаниковали и разбежались по сторонам, пытаясь определить источник шума. Пока они это делали еще десяток псов, либо тяжелораненых, либо убитых пулями двадцатого калибра, упало на асфальт. Но остальные уже пришли в себя и обнаружили Гавриила. Прошло всего десять или пятнадцать секунд с начала боя, события разворачивались быстро, и предвидеть их было сложно. Гавриил опасался неизвестного ему противника и пытался убить из пулемета побольше, чтоб не ввязываться в ближний бой. Однако факт того, что их броня легко поддавалась пулеметному огню, уже радовал Гавриила. Вскоре около десятка металлических псов, по которым Гавриил не успевал выстрелить, уже практически залезли к нему на трейлер.

Стоя на коленях, он бросил пулемет и быстро выхватил щит,

тут же выставляя его вперед, чтоб первые из зверей пришлись на него и дали секунду времени, чтоб вытащить меч. Не ожидая, что вес нападающих будет довольно большим, Гавриил не подался вперед, а наоборот отшатнулся назад. Он вытаскивал меч в тот миг, когда во все возможные части его сутры впились разъяренные пасти десятка металлических псов. Гавриил покатился с трейлера на землю. Интересно, как бы он отреагировал, если все это не происходило в полной тишине?

Оказалось, что его противники не могут причинить ему никакого вреда, кроме как растаскивать его в разные стороны, сковывая передвижение. Гавриил встал, с трудом удерживая равновесие, его растягивали во все стороны, кровь из пасти псов заливала его руки и ноги. Зубы не выдерживали. Пытаясь удержать равновесие, Гавриил отбросил щит и вытащил второй меч. На его левой руке висел один, который развивался на ветру, когда Нелевский двигал этой рукой. Было нелепо драться с ними, чем-то походило на бой с комарами в темноте. Заколов последнего парень поднял щит и пулемет, он отправился к людям на мосту.

Среди разбитых машин, плотно завалivших большую часть моста, некоторые из которых еще догорали, на прежнем месте стояли люди. Их охраняли двое псов. За спиной у людей была сплошная стена - разбившийся трейлер, вот почему они не могли быстро отступать. Гавриил подошел к ним. Люди, которые стояли на мосту с удивлением смотрели на него, они никогда прежде не видели воина в сутре. А вид у Гавриила был воинственным. На ногах следы от крови из пасти псов, за спиной множество рукоятей мечей и силуэт щита, на плече пулемет.

Гавриил поприветствовал людей, подняв правую руку, их губы зашевелились, он увидел это, но не слышал. Сперва, нужно расправится с двумя псами, которые трусливо оглядывались по сторонам, не желая атаковать Гавриила. Он положил пулемет и вытащил двуручную катану. Псы бросились на него. Один был разрублен сразу, второму Гавриил подставил левое предплечье. Пес вцепился в адамантитовую броню со всем неистовством. Гавриил воткнул катану, которая находилась в правой руке, в землю, прижал руку с псом к груди и второй рукой обнял его за шею. Следующим резким движением левой рукой от себя он сломал псу шею, вдогонку жестоко деформировав его шлем и, очевидно, череп. Бой закончен.

Гавриил бросил собаку, и пошел к людям, попутно подобрав щит и меч. Они махали ему и радовались. Местные омоновцы, наконец-то, расслабились и поднялись с колен. Но вдруг они начали показывать руками куда-то за спину Гавриила, омоновцы

открыли огонь из автоматов, опустившись на колено, Гавриил отшатнулся вправо, но в его левый бок впился тонкий меч виджиланта. Близко к краю, но все равно рана была ужасной. Гавриил растерялся, но отступать было не куда.

Левым локтем Гавриил с огромным усилием оттолкнул противника, и сопровождаемый ужасной болью, меч вышел из раны. Легкое головокружение усадило его на колени. Гавриил не почувствовал, но в следующий миг в руку костюм ввел амфитамины, чтоб дать ему силы пережить этот бой. Самочувствие улучшилось и силы прибыли. Тот, что бил не собирался ждать и сразу подошел, чтоб добить Нелевского, но вмешались омоновцы. Гавриил боролся с потерей сознания, хватаясь за реальность. Все плыло у него перед глазами. Где-то, казалось бы, далеко или же во сне, омоновцы палили со всех стволов по воину в черной сутре, кто-то даже выстрелил из подствольного гранатомета, и врага отбросило на пару метров назад. Гавриил терял сознание, тело не слушалось, сердце замедлялось и больно стучало в ушах. В ране жгло медицинской пеной, которая залила ее, но тепло в животе говорило о том, что кровотечение продолжалось. Гавриил не мог понять, почему он не может встать, а дело было в том, что ему повредили нерв, практически разрезав его вдоль пополам, но, не перервав связь. Начинался болевой шок и мозг отключался. Вскоре сутра распознала признаки болевого шока и влила в вены Гавриила дозу морфия. Парень пришел в себя, картинка выровнялась, и он видел, как омоновцы в панике выстреливали в черную тень рожок за рожком, одновременно медленно отступая. Двое бойцов подбегали попробовать тащить Гавриила, очевидно надеясь на побег, но триста килограмм было перебором для них. Враг не спешил идти в атаку, он спрятался за щитом и медленно продвигался вперед, это было тактикой. Он не наступал, чтоб омоновцы не начали бежать, он как бы держал их внимание на себе и заодно заставлял сливать на него боеприпасы. Свет фонарей мигнул, и Гавриилу показалось, что это у него в глазах. Он поймал себя на мысли, что возможно вот так вот умрет здесь, а за ним убьют и вон тех людей, жестоко и хладнокровно. «Нельзя этого допустить, нельзя, ты меня еще не победил!» - накручивал себя Гавриил, силясь подняться.

*